

при вѣздѣ въ устьѣ сталъ разуваться, чтобы въ случаѣ опасности выскочить изъ карбаса и вплавь добраться до берега...

Такихъ случаевъ было со мною безъ числа, и всѣ описать нѣтъ возможности. Изъ приведенныхъ же мною фактовъ достаточно видно, насколько опасенъ существующій способъ сообщенія между поселеніями Терскаго берега, въ особенности при вѣздѣ въ рѣки, всегда при входѣ отмелье. Карбаса также были неудобные: мѣстнаго построенія, съ парусными будками.

Насколько путь этотъ замедлителенъ, видно изъ того, что на проѣздъ отъ села Кузомени до с. Поноя (300 верстъ) требовалось времени впередъ и обратно не менѣе трехъ недѣль, въ особенности осенью; случалось на одномъ „наволокъ“, т. е. прибрежномъ мысѣ, сидѣть изъ-за погоды недѣли по двѣ и болѣе!...

Этотъ же отчаянно медленный способъ передвиженія въ навигаціонное время на Терскомъ берегу остался и донынѣ!

Въ бытность мою на Терскомъ берегу введены архангельскіе лоцманскіе карбаса съ удобными деревянными рубками для проѣзжающихъ должностныхъ лицъ, въ когорыхъ удобно можно сидѣть и лежать въ полной защитѣ отъ дождя, вѣтра и волны.

Торговое и почтовое сообщенія Терскаго берега съ Архангельскомъ въ лѣтнее время производится на парусныхъ судахъ и на пароходахъ Товарищества Бѣломорско-Мурманской Кампаніи. Срочные рейсы Кампаніи до А. П. Энгельгардта производились черезъ каждыя двѣ недѣли, а затѣмъ при немъ еженедѣльно и то только въ села Умбу, Кашкаранцы и Кузомень; остальные же поселенія Терскаго берега такими удобствами не пользуются, сообщаясь по первобытному на карбасахъ.

Заканчивая этотъ краткій мой очеркъ, я прихожу къ заключенію о необходимости улучшенія путей сообщенія на Терскомъ берегу, для чего необходимо устроить грунтовую дорогу вдоль всего берега съ разгономъ на лошадахъ, такъ какъ олени, уменьшаясь ежегодно въ количествѣ, безусловно не въ далекомъ будущемъ не будутъ въ состояніи обслуживать эту задачу. Входъ въ устья рѣкъ необходимо расчистить и освѣтить маяками для свободнаго доступа въ нихъ торговыхъ и мимопроходящихъ мореходныхъ судовъ при отставаніи бурь, за совершеннымъ отсутствіемъ другихъ удобныхъ здѣсь гаваней для стоянокъ, съ обязательнымъ заходомъ срочнаго парохода во всѣ поселенія берега. Всѣ затраты на это современемъ окупятся, такъ какъ край этотъ богатъ разными промыслами: семги изъ одной Кузомени вывозится болѣе чѣмъ на 200 тысячъ рублей ежегодно осенью, не говоря уже о быстромъ экономическомъ подъемѣ края, при введеніи означенныхъ улучшеній.

П. А. Таратинъ.

Изъ воспоминаній о посѣщеніи карельской деревни.

Дуль съ юга теплый вѣтерокъ. День былъ солнечный, жаркій. По рѣкѣ Кеми пробѣгала мелкая золотистая рябь. Шумѣли пороги. Въ

рѣкѣ купались люди. Гдѣ-то вдалькѣ куковала кукушка, и изъ глубины лѣсной чащи до насъ отчетливо доносилось „ку-ку-у... ку-ку-у...“

Все вокругъ напоминало о томъ, что и здѣсь лѣто...

Мы вдвоемъ шли по дорогѣ, которая пролегла по берегу рѣки. По обоимъ берегамъ тянется красивый лѣсъ. Теченіе рѣки здѣсь такъ быстро, что можно видѣть какъ отъ камней летятъ вверхъ брызги и, разсыпаясь на мелкія, едва замѣтныя для глаза, частички, падаютъ обратно въ воду. Рѣка шумитъ, такъ шумитъ, что заглушаетъ разговоръ прох жихъ.

Вотъ стоятъ два креста на возвышенности около рѣки; точно караульщики сѣверныхъ пороговъ.

— Что означаютъ эти кресты?—спрашиваю у своего спутника.

Мѣсто стоянки,—отвѣчаетъ онъ; у насъ заведенъ такой обычай: гдѣ ловятъ рыбу, тамъ на берегу варятъ уху; а чтобы отличить то мѣсто отъ другихъ, тамъ ставятъ крестъ.

— А кто повѣсилъ на нихъ эти красные фартуки и куски холста?

— А это по обѣщанію... Заболѣетъ, скажемъ, какая-нибудь дѣвушка или женка, и даетъ обѣщаніе повѣсить что-либо на крестъ...

А вдалькѣ гдѣ-то слышно „квакъ... квакъ...“ Это—утка съ утенышами, завидѣвъ насъ, спѣшитъ уйти по добру, по здорову... Мы продолжаемъ свой путь. На насъ дохнулъ смолистый, сосновый вѣтерокъ. Передъ нами, на горѣ, крупный сосновый боръ. Дорога пролегаетъ дальше...

— Она скоро кончится—замѣчаетъ мой спутникъ.

— Кончится?!

Я въ недоумѣніи уставился на него глазами.

— Какъ кончится? Тогда по чему-же мы пойдемъ?! Вѣдь ты говоришь, что до деревушки семнадцать верстъ; а мы прошли не болѣе семи...

И пока я говорилъ, кончился лѣсъ, и мы подошли къ концу дороги, которая какъ-бы пролегла по дну рѣки.

— А вотъ здѣсь намъ придется сѣсть въ лодку и слѣдовать дальше уже воднымъ путемъ...

Мы развели костеръ. Вскипятили чайникъ. Стали забавляться чаепитіемъ, въ ожиданіи изъ города попутчиковъ, чтобы проплыть вмѣстѣ въ лодкѣ. Недолго намъ пришлось ихъ ждать: къ намъ подошли двѣ женщины—карелки, которыя носили, какъ оказалось, продавать семгу, а изъ города несутъ сахаръ, чай, ситецъ и еще кое-какіе товары.

Сѣли въ лодку. Рѣка здѣсь имѣетъ совсѣмъ другой видъ. Пороговъ нѣтъ. Тихо. Скорѣе напоминаетъ озеро, чѣмъ рѣку. Берега крутые, живописные. Кругомъ зелень. По берегамъ шумитъ лѣсъ. Наши весла ударяютъ въ тактъ подъ этотъ шумъ и точно говорятъ: „шуми, шуми—пока лѣто, а зимой зашумишь по другому...“ На лѣвомъ берегу—каменная скала. На ней, какъ одинокій стражъ, стоитъ опять деревянный крестъ. Около креста рыболовы развели костеръ. Тамъ, въ лѣсной глуши, раздается стукъ топора,—это карелы заготавливаютъ дрова къ долгой сѣверной зимѣ... Мы подвигаемся все ближе къ карельской деревнѣ...

— Вотъ это наши пожни; мы скоро здѣсь будемъ косить сѣно—говорить намъ карелка.

— А хватаетъ-ли для скота на зиму сѣна?—спрашиваю я ее.

— Не хватаетъ, ролимой... Вѣдь зима-то тянется у насъ семь мѣсяцевъ; гдѣ ужъ тутъ хватить?!

— Чѣмъ-же вы кормите скотину-то?

— Да чѣмъ придется... „ковды“ сѣномъ, а „ковды“ и бѣлымъ мхомъ; вотъ какъ-нибудь и дотянемъ до весны; а съ весны до осени—Богъ кормить...

Откуда-то издалека доносится шумъ, который напоминаетъ прежнюю картину, и я спрашиваю:

— Никакъ опять, видно, шумятъ пороги?

— Нѣтъ, это не пороги, а нашъ водопадъ—отвѣчаютъ карелки.

Наша ладья точно слушаетъ наши разговоры и какъ-будто хочетъ сказать: „Ладно! Вамъ хорошо говорить, а я должна плыть...“ и плыветъ все впередъ и впередъ... Мы подвигаемся все ближе и ближе... Вотъ, наконецъ, и село. На горѣ—маленькая деревянная церковь. Противъ нея, внизу у рѣки, хорошенькій домикъ священника.

Недалеко лавка—одна на все село. Во всемъ селѣ до тридцати домовъ. Сѣрые, невзрачныя на видъ, домики всѣ походятъ одинъ на другой. Впечатлѣніе получается невыгодное... Около домовъ развѣшены на шестахъ рыболовныя снасти. Противъ села—красивый еловый островъ, на которомъ хоронятъ мертвецовъ. А вдаль, выше по теченію, грохочетъ водопадъ...

Мы попросили пріюта у одного изъ мѣстныхъ жителей на однѣ сутки. Передъ нами радушно распахнули двери.

Напившись чаю, пошли смотрѣть водопадъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры, гдѣ мы остановились. Здѣсь рѣка имѣетъ кругообразные берега, точно голова великана, а самый водопадъ напоминаетъ шею, заваленную громадными камнями и раздѣленную по серединѣ на два русла большимъ камнемъ. Черезъ первое русло проложенъ мостикъ до камня. Подъ мостикомъ устроены ловушки для семги.

— Вотъ это русло у нашего общества снимаютъ и платятъ около 1000 рублей въ годъ; а тотъ, который снимаетъ, случается, зарабатываетъ до 200 руб. въ день—разсказываетъ нашъ чичероне. А вотъ на этомъ мѣстѣ губернаторъ съ семействомъ чай пилъ...

Прошли мы черезъ мостикъ по камню, чтобы ближе полюбоваться величественнымъ зрѣлищемъ, и очутились всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ водопада.

Красивая картина. Вода течетъ съ неимоверной быстротой и ударяетъ о камни, отъ которыхъ сажени на три бьетъ вверхъ, а тамъ разсыпается мелкими брызгами и, образуя изъ себя зонты, падаетъ и снова течетъ, бьетъ о камни и шумитъ...

Долго мы любовались этимъ невиданнымъ нами зрѣлищемъ.

Мы всѣ возвращались молча.

Карельскъ первый прервалъ молчаніе и заговорилъ:

— Года три тому назадъ былъ у насъ здѣсь одинъ англичанинъ. Осматривалъ нашъ водопадъ и говорилъ, что поѣдетъ въ Питеръ и переговоритъ съ кѣмъ слѣдуетъ, и если ему согласатся слать этотъ водопадъ, то заарендуетъ его и построитъ двѣ фабрики—фарфоровую и бумажную.

— А развѣ здѣсь есть фарфоръ? поинтересовался я у разсказчика.

— Эхъ! Чего здѣсь нѣтъ! Въ землѣ много богатства—и золото и серебро найдутся, только оно все намъ не къ рукамъ... Англичанъ-бы

сюда, али нѣмцевъ,—все-бы разыскали... Вонъ японцы какъ разработа-ли нашъ Сахалинъ! Ужъ, говорятъ, и желѣзная дорога тамъ есть; а ког-га былъ нашъ, такъ только была каторга... И, затѣмъ, подумавъ немно-го, онъ добавилъ:—Если-бы ему согласились сдать, наше село совѣмъ-бы преобразилось, разбогатѣло-бы; а то вотъ какія плохія хибарки-то (язбушки); а все бѣдность—негдѣ заробить копейку...

— А отъ ловли семги вы зарабатываете?—спрашиваю я его.

Карелякъ отрицательно махнулъ рукой.

— Э, полно, милой человекъ, какой заработокъ отъ семги! Кому какъ повезетъ счастье, а я вотъ ловлю, ловлю и все не могу поймать... Вѣдь она живая—за хвостъ не схватишь;—и карелякъ усмѣхнулся фдкой усмѣшкой, „а завести хорошія снасти тоже нужны деньги, да и мѣста всѣ откуплены богачами... куды ужъ намъ, бѣднякамъ“...

И онъ, видя передъ собою сочувствующихъ ему людей, волновал-все больше.

— Вотъ хоть-бы этотъ водопадъ! Зачѣмъ его сдавать богачамъ? Будто обществомъ нельзя семгу ловить? Да вотъ подишь ты...

Входитъ въ село. Какая-то пархатая собаченка визгливо насаки-ваетъ на насъ. За заборомъ пѣтухъ надрывается надъ своимъ „кукуре-ку“. Куры стаяй ходятъ вокругъ него...

Въ какое захолустье ни занесетъ судьба, вездѣ видны слѣды жи-зни; но самая жизнь бываетъ разная. Похожа-ли жизнь большихъ, ци-вильзованныхъ городовъ, съ ихъ желѣзными дорогами, трамваями, эле-ктрическимъ освѣщеніемъ, театрами и другими культурными удобства-ми на эту скромную сельскую жизнь кареляковъ, прозябающихъ въ глухихъ тундрахъ и болотахъ суроваго Сѣвера и влачащихъ полуголод-ное существованіе, а потому эксплуатируемыхъ богачами еще въ боль-шихъ размѣрахъ, чѣмъ въ пышныхъ городахъ... Я ложился спать съ мечтою о лучшей будущности этого забытаго и Богомъ и добрыми люди-ми края...

II.

Обратно въ городъ мы рѣшили идти пѣшкомъ, хотя насъ и отго-варивали отъ этого, предупреждая, что мы раскаемся въ своемъ памѣ-реніи; но, разъ рѣшивъ, мы не хотѣли перерѣшать. Мы опять вдвоемъ...

Вошли въ лѣсокъ, тотъ самый лѣсокъ, который казался намъ такъ красивъ изъ лодки... Но, увы! мы увидѣли совѣмъ противоположную картину...

Подъ ногами грязь, желтая торфяная грязь, какой никогда не увидишь на югѣ.

Идемъ дальше... Передъ нами двѣ высокія горы; внизу, между ними, течетъ ручей.

Какъ перейти его? Нѣтъ ни мостиковъ, ни узкаго мѣста.

Пришлось моему спутнику преобразиться въ индѣйца и переносить меня на своей спинѣ. Слава Богу—перешли.

Поднялись на гору... Изъ горы сочатся желтыя слезы сѣверной тундры и плачетъ она о томъ, что рѣдко ее освѣщаетъ красное сол-нышко... Передъ нами болото, которое нужно обойти версты четыре кругомъ, чтобы не утонуть въ грязи. Спугнули стаю какихъ-то сѣрыхъ птицъ. Они, отлетѣвъ недалеко, снова сѣли, какъ-бы дразня насъ, что у насъ нѣтъ ружья. Идемъ дальше...

Никакой дороги, или даже тропинки здѣсь не существуетъ.

Приходится перелѣзть черезъ деревья съ сучьями крупныхъ раз-мѣровъ. Мой товарищъ задѣлъ за сукъ ногой и шлепнулся въ грязь лицомъ. Передъ нами глубокой оврагъ и ручей. Опять прежняя картина. Мимо насъ пробѣжалъ косоглазый заяцъ, вбѣжалъ на горку, и сѣвъ противъ насъ, началъ водить лапками по своему рыльцу. Погода, хмурившаяся еще съ утра, скоро разрѣшилась дождемъ. Вчерашнее лѣто смѣнилось осенью. Подъ ногами цвѣтеть морошка бѣлыми лепестками; гдѣ больше грязи, тамъ и ея изобиліе... Опять проклятый оврагъ. Снова съ трудомъ нужно переходить его и подниматься на высокую гору...

А рѣка струится потихоньку, какъ будто ничего не замѣчаетъ.

— Ну и путь! измучилъ онъ насъ... Должно быть, лѣшій водить—выругался мой спутникъ.

Мы нашли нужнымъ отдохнуть, выбрали мѣсто посуше и сѣли.

— Почему здѣсь нѣтъ дороги? спрашиваю я у своего товарища.

— Да, будетъ лѣтъ черезъ сто, можетъ быть, даже еще и желѣзная, острить ояъ, а пока нужно походить вотъ такъ, какъ мы ходимъ... Къ карельскимъ деревнямъ пролегаютъ только зимники, да водяное сообщеніе на лодкахъ.

Отдохнувъ, мы пошли дальше.

Мѣстами болото покрыто сверху какой-то ржавчиной, а мѣстами имѣетъ нефтяной отблескъ.

— Сколько здѣсь пропадаетъ даромъ дровъ, а вѣдь это все богатство—валается и гниетъ... На югѣ, говорятъ, копейка полѣно стоитъ...

— Ничего не подѣлаешь... За моремъ телушка полушка, да перевозъ дорогъ; такъ-то другъ!..

Мы кончаемъ свой путь; но какъ мы устали, пройдя всего десять верстъ! Проходили и по сорокъ, но такъ не уставали. Вотъ что значить овраги, горы, тундры, отсутствіе дорогъ... Все это плохо способствуетъ передвиженію.

Нужно земство, чтобъ этотъ забытый край увидѣлъ лучшую долю

А. А. Каменевъ.

Изъ былого прошлаго.

Инцидентъ съ архангельскимъ городничимъ, явившимся въ Архангельскую Банковую контору для свидѣтельства денежныхъ суммъ.

(Изъ дѣла „Нарядъ о свидѣтельствѣ въ Банковой конторѣ денежной казначей“. 1795 года).

Высокородному и Превосходительному господину генераль-поручику Правителю Архангельскаго Намѣстничества и кавалеру Ивану Романовичу Ливену.

Городничего примеръ майора и кавалера Чернецкаго
рапортъ.

По вторичному повелѣнію вашего превосходительства, сего дня подъ № 498 послѣдовавшему, здѣшней банковской конторы въ присутствіи господину директору Арсеньеву предложеніе вашего превосходительства я отдалъ, по прочтеніи котораго, онъ, Арсеньевъ, сѣвъ в